

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. THEORY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 2

Culture and anthropology research journal. 2024. № 2

Научная статья

УДК 902/904

Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь)

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу интерпретации культурной принадлежности населения в современных антропологических публикациях материалов обширного некрополя в Искитимском районе Новосибирской области (Быстровка-1, 2, 3). Длительность и комплексность (археологические, антропологические и естественно-научные исследования) изучения этого объекта археологического наследия позволяет рассматривать его в качестве реперного памятника по древней истории населения Верхней Оби эпохи раннего железа. Сложная организация некротиферы Быстровского некрополя, относительная длительность функционирования и поликультурность погребальных практик (населения березовского исторического этапа раннего железного века Верхней Оби, а также представителей кулайской и саргатской культурной традиции) позволяют детально рассмотреть вопросы корреляции в формате – археологическая культура и антропологическая атрибуция. В целом этот конкретный материал отражает не только противоречия, но и проблемы исторических реконструкций, основанных на археологических источниках, включая вопросы различных проявлений культурных отличий.

Ключевые слова: Верхняя Обь; эпоха раннего железа; археологическая культура; население; антропология; историческая интерпретация

Для цитирования: **Бородовский А. П.** Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь) // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 8–26.

Scientific article

Cultural Identification of the Upper Ob Population the Early Iron Age Based on the Materials of Archaeology and Anthropology (Bystrov necropolis)

Andrew P. Borodovsky^{1,2}

¹Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the interpretation of the cultural affiliation of the population in modern anthropological publications of the materials of the vast necropolis in the Iskitimsky district of the North Caucasus Federal District (Bystrovka-1, 2, 3). The duration and complexity (archaeological, anthropological and natural science research) of the study of this archaeological heritage site allows us to consider it as a reference monument for the ancient history of the Upper Ob population of the Early Iron Age. The complex organization of the necrosphere of the Bystrov necropolis, the relative duration of functioning and multiculturalism of funeral practices (the population of the Berezovsky historical stage of the Early Iron Age of the Upper Ob, as well as representatives of the Kulai and Sargat cultural traditions) allow us to consider in detail the issues of correlation in the format of archaeological culture and anthropological attribution. In general, this particular material reflects not only contradictions, but also the problems of historical reconstructions based on archaeological sources, including issues of various manifestations of cultural differences.

Keywords: Upper Ob; the Early Iron Age; archaeological culture; population; anthropology; historical interpretation

For citation: Borodovsky A. P. Cultural identification of the population of the Upper Ob of the Early Iron Age based on the materials of archeology and anthropology (Bystrov necropolis). *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 8–26.

Введение. Культурная идентификация соответствует процессу и результату соотношения индивида с представителями определенной культурной традиции и принятия/транслирования ее норм и ценностей. Применительно к древнему населению осмысление этого феномена является ключевым вопросом интерпретации археологических и антропологических материалов. Это реализуется в формате искусственных конструкторов – археологических культур. В археологии интерпретация имеет несколько различных уровней. Они различаются по масштабу, охвату материала, глубине его изучения и надежности полученных выводов. Достоверность интерпретации определяется по целому ряду количественных и качественных параметров. Во-первых, чем больше фактов используется в работе, тем меньше непротиворечивых толкований этих фактов может быть предложено. Во-вторых, чем больше задействовано разнообразных фактов, тем более сложным и детализированным будет непротиворечивое толкование задействованного археологического материала [1, с. 101, 102, 103]. В-третьих, соответствие современному состоя-

нию источниковой базы и глубины ее научного осмысления отражает степень объективности таких знаний.

Суть исторической интерпретации заключается в описании хронологического ряда отдельных имевших место событий, необходимых для объяснения формирования культурных феноменов. Одним из наиболее ярких проявлений исторических интерпретаций являются палеоантропологическое направление в изучении культурогенеза, где активно взаимодействуют археология и антропология. В частности, это касается трактовки термина и понятия «археологическая культура» в археологии и антропологии. В качестве одного из примеров можно привести большереченскую культуру на Верхней Оби эпохи раннего железа (I тыс. до н. э.). По мнению первооткрывателя этого культурного образования М. П. Грязнова, она развивалась на протяжении трех этапов: большереченского (VII–VI вв. до н. э.), бийского (V–III вв. до н. э.) и березовского (II в. до н. э. – I в. н. э.) [2]. В свою очередь Т. Н. Троицкая, несколько модернизовав культурную парадигму М. П. Грязнова, предложила для Новосибирского Приобья эпохи раннего железа рассматривать существование большереченской культуры только в двух ее этапах – бийском (с VI–V до начала IV в. до н. э.) и березовском (с IV до начала II–I вв. до н. э.). Тогда как большереченский этап рассматривался ей уже в формате культур переходного времени (VIII – начало VI в. до н. э.) от эпохи поздней бронзы к раннему железу [3, с. 77, 103]. По мере дальнейшего накопления археологического материала возникли сомнения в оправданности выделения бийского этапа этой культурной традиции [4]. Однако эти результаты современных археологических исследований стали достаточно произвольно трактоваться в ряде современных антропологических публикаций по материалам Быстровского некрополя. Вопрос о причинах различия интерпретаций одного и того же источника у археологов и антропологов заслуживает особого внимания.

Материалы и методы. Основным источником для таких исследований является Быстровский некрополь (Быстровка-1, 2, 3), который представляется одним из масштабных погребальных комплексов Верхней Оби эпохи раннего железа¹. Этот археологический памятник расположен на правом берегу р. Обь (Новосибирское водохранилище) в Искитимском районе Новосибирской области к северу от с. Быстровка (рис. 1).

¹ Этот археологический комплекс на протяжении многих десятилетий являлся полигоном для проведения археологических практик студентов НГПИ–НГПУ. Автор участвовал в раскопках Быстровки-1, 3 как студент НГПИ в 1979–1980 под руководством канд. ист. наук, доц. Т. Н. Троицкой. В 1995–2000 гг. канд. ист. наук А. П. Бородавский проводил уже свою археологическую практику студентов НГПУ на Быстровке-1, 2, 3.

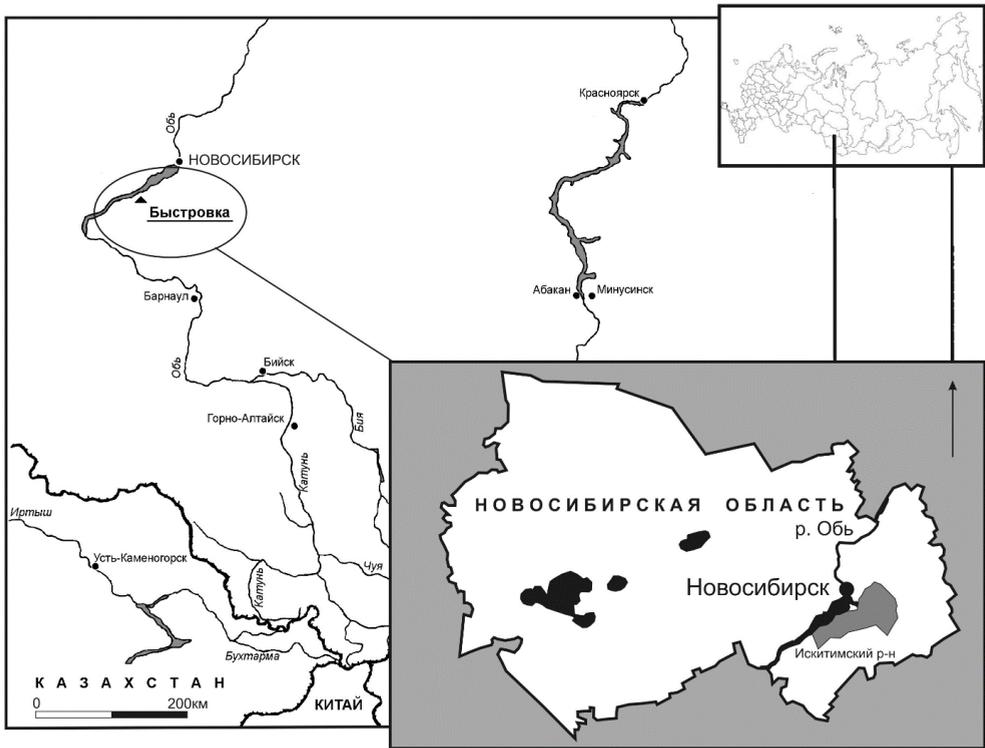

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя

Некрополь эпохи раннего железа объединяет несколько разновременных курганных групп: Быстровку-1, Быстровку-2 и Быстровку-3 [5, с. 90] (рис. 1, 2).

Рис. 2. Многомогильный курган эпохи раннего железа (Быстровка-3)

Количественная выборка погребений из Быстровского некрополя вполне репрезентативна для объективного отражения истории культурного взаимодействия заключительного периода эпохи раннего железа в лесостепном Приобье. Тем не менее следует отметить, что обработанные антропологами статистические выборки по всему Быстровскому некрополю значительно разняться. Если в ходе раскопок Быстровки-1 (71 индивид), Быстровки-2 (193 ин-

дивида), Быстровки-3 (117 индивидов) был зафиксирован 381 индивид, то при дальнейшей антропологической обработке такие данные стали существенно отличаться². Например, в выборке, исследованной антропологом Е. Г. Шпаковой, по Быстровке-2 фигурируют 193 индивида. Тогда как М. С. Кишкурно исследовано в Быстровке-2 по краниологии 71, а одонтологии 135 индивидов. Такое расхождение данных практически в 20 % явно выше статистической погрешности, влияющей на достоверность исходной выборки для исследований [6, с. 4].

Следует также остановиться на том, какие датировки используются в современных антропологических публикациях для Быстровского некрополя в целом и для отдельных его курганных групп.

Ранее на основе исключительно традиционного археологического датирования курганная группа Быстровка-1 по предметному комплексу относились к периоду III–II вв. до н. э. [7, с. 42]. При этом отдельные изделия могли бытовать и в более раннем времени – VI–IV и IV–III вв. до н. э. (рис. 3).

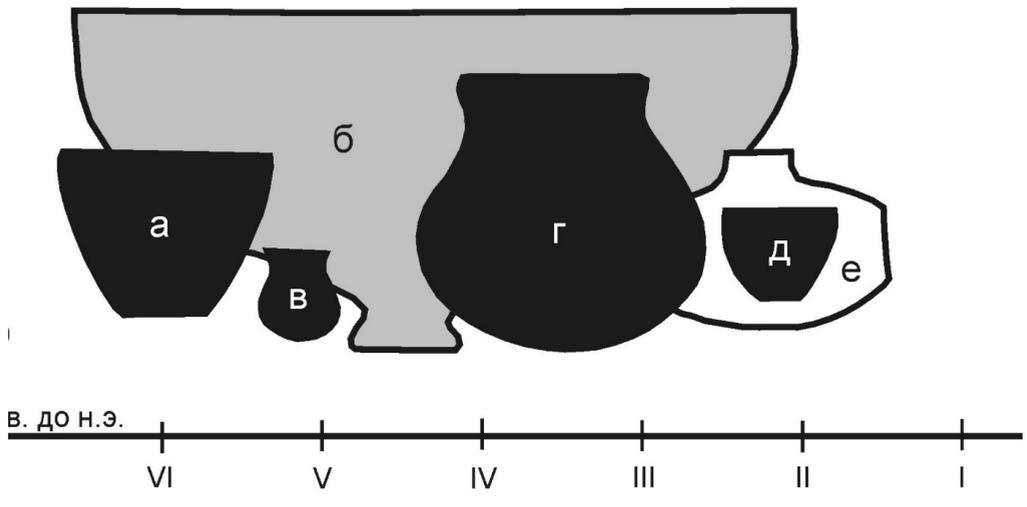

Рис. 3. Относительная хронология керамического комплекса Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3) по Т. Н. Троицкой: а, д – баночные сосуды; б – сосуды на поддоне; в, г – кувшинчики; е – боченковидные сосуды (размер сосуда отражает время его бытования)

Существенный вклад в определение хронологии бытования Быстровского некрополя внесло применение естественно-научных методов. Значительная серия радиоуглеродных³ и дендрохронологических дат из курганной группы

² На комплектности коллекции, конечно, могла сказаться ее транспортировка в Москву, а затем ее последующее возвращение в Новосибирск, однако это не объясняет отсутствие аргументации о полноте и репрезентативности антропологической выборки по Быстровскому некрополю.

³ 36 дендрохронологических дат и 44 радиоуглеродных дат, выполненных в рейтинговых лабораториях России (Новосибирск, Санкт-Петербург) и США (Тусон). Калибровка всех радиоуглеродных дат осуществлена при помощи программы OxCal. Использована калибровочная кривая JutCal 13.

Быстровка-2 заложила основу для разработки хронологии эпохи раннего железа Верхнего Приобья на качественно новом уровне [8; 9]. В ходе перекрестного датирования образцов из отдельных погребений, сгруппированных по курганам, были созданы обобщенные древесно-кольцевые хронологии для курганов № 3, 4, 5, 9 и 10 Быстровки-2. Количество погребений, по которым создавались «плавающие» шкалы для курганов, изменяется от 4 (курган 9) до 16 (курган 4). Полученные для отдельных курганов средние кривые годичной изменчивости синхронизировались между собой с целью построения относительной хронологии быстровского некрополя в целом. По количеству годичных колец, составляющих шкалы курганов, они имеют следующий вид: курган 3 – 203 кольца; курган 4 – 186; курган 5 – 141; курган 7 (1 погребение) – 70; курган 8 (1 погребение) – 98; курган 9 – 156; курган 10 – 204.

Наиболее ранняя дата (Быстровка-2, курган 2, погребение 13) приходится на интервал 810–540 гг. до н. э. (рис. 4), наиболее поздняя дата (Быстровка-2, курган 5, погребение 32) – 378–1 гг. до н. э. (рис. 5, 6).

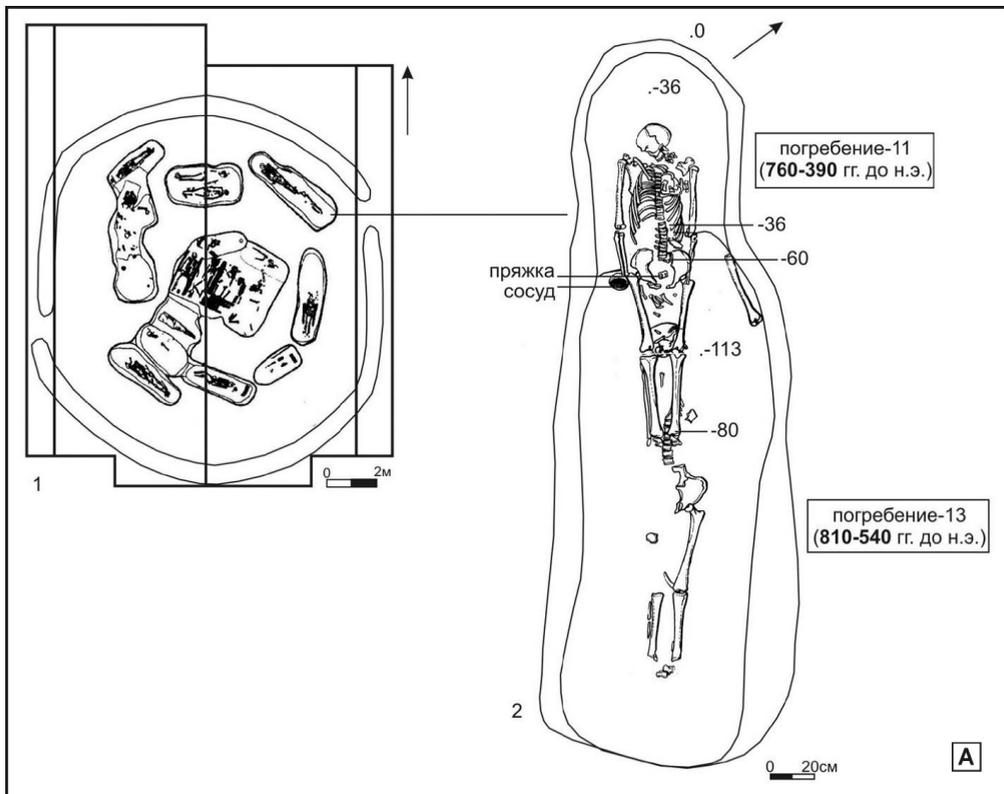

Рис. 4. Многомогильный курган 2 Быстровки-2.
1 – план кургана; 2 – план ярусных погребений

Рис. 5. Расчистка ярусных погребений 11, 13 кургана 2 Быстровки-2

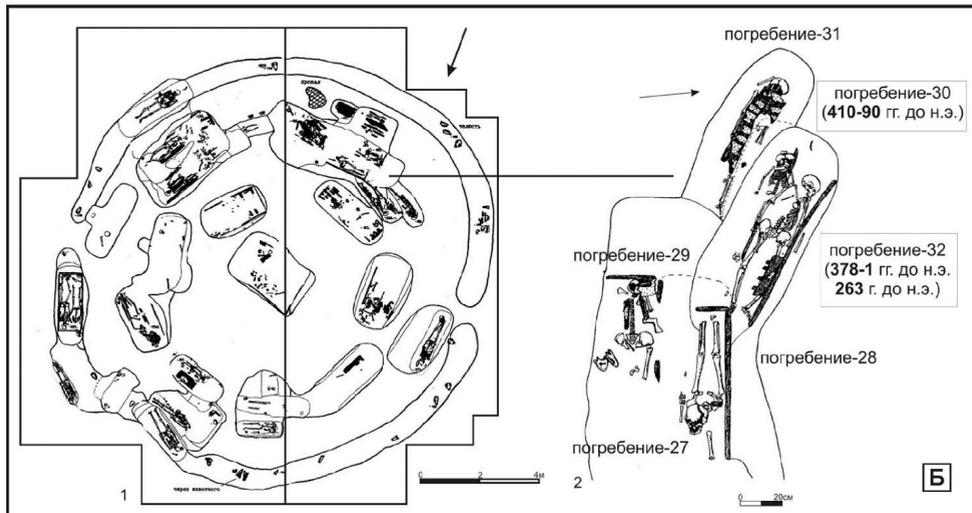

Рис. 6. Многомогильный курган 5 Быстровки-2.

1 – план кургана; 2 – ярусные погребения

По отдельным курганам Быстровки-2 получены следующие обобщенные интервалы: курган 2 – 810–390 гг. до н. э.; курган 3 – 800–200 г. до н. э.; курган 4 – 480–90 гг. до н. э.; курган 5 – 410–1 гг. до н. э. (рис. 7, 8); курган 6 – 390–10 гг. до н. э.; курган 7 – 480–170 гг. до н. э.; курган 9 – 760–180 гг. до н. э.; курган 10 – 790–60 гг. до н. э.

Рис. 7. Раскопки многомогильного кургана 4 Быстровки-2

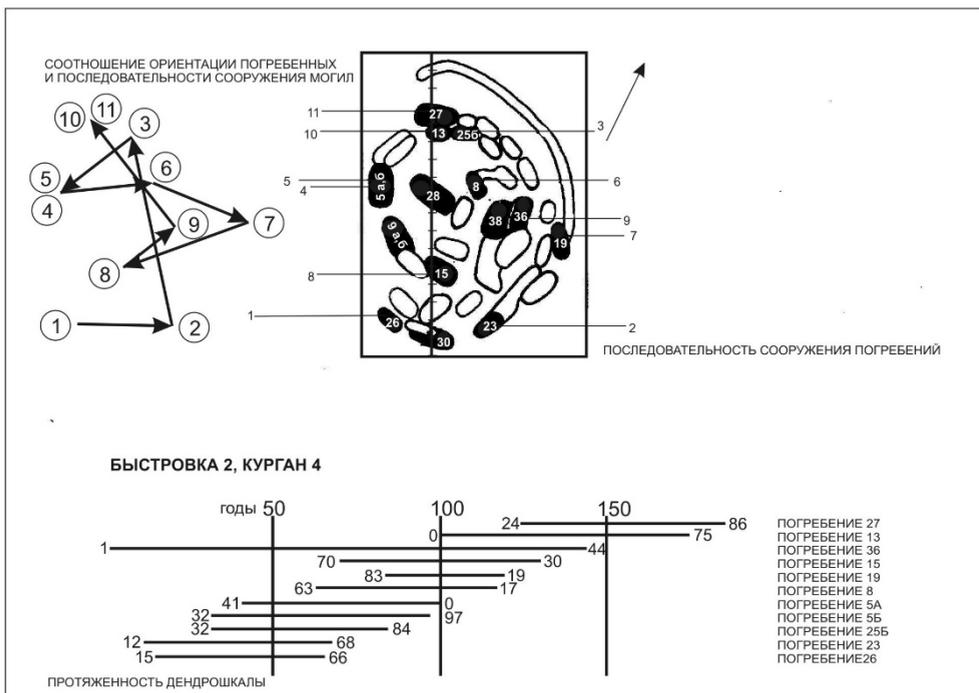

Рис. 8. Дендрохронология погребальных комплексов многомогильного кургана 4 Быстровки 2

Таким образом, на основании радиоуглеродных дат можно наметить последовательность существования курганов (от ранних к поздним): курган 2 – курган 3, 9 и 10 – курганы 4, 5, 6 и 7. Таким образом, появилась возможность построить дробную периодизацию как для отдельных многомогильных курганов Быстровки-2 (рис. 9, 10), так и для всего Быстровского некрополя (Быстровка-1, 2, 3).

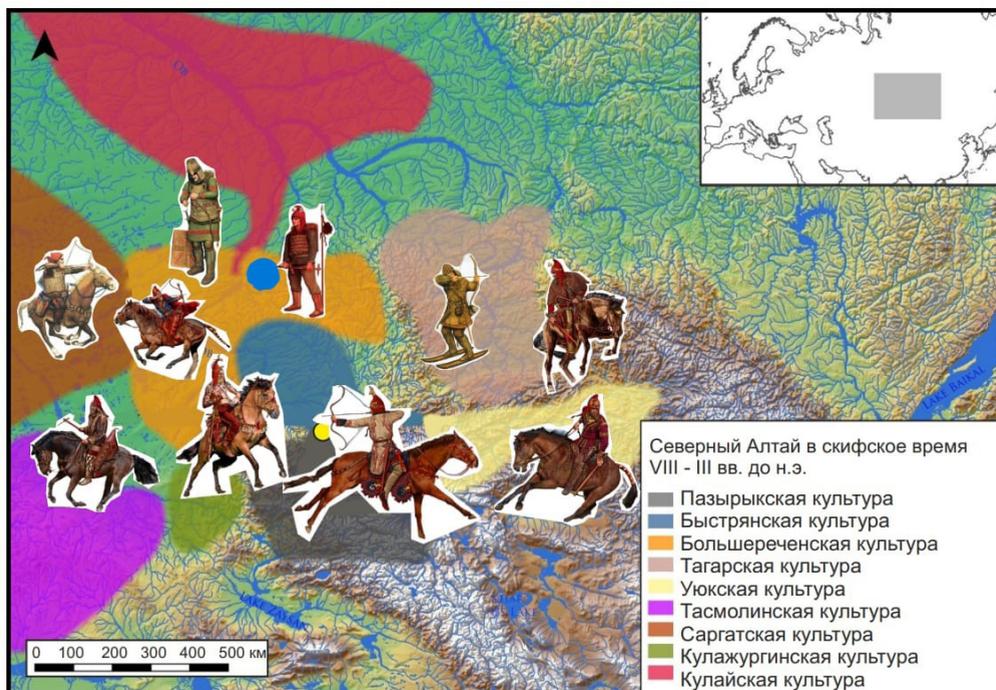

Рис. 9. Картография культуругенеза Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (голубым кругом отмечен Быстровский некрополь)

Корреляция предметного комплекса Быстровки-2 с датирующим сопроводительным инвентарем из Быстровки-1 в рамках учета радиоуглеродного датирования способствовала пересмотру ее даты (III-II вв. до н. э.) в сторону удревнения. В частности, несколько радиоуглеродных дат кургана-6 Быстровки-3 – погребение-4 (СОАН-3972; 2345±65 л. н.) 595–349 гг. до н. э. и погребение-8 (СОАН-3963; 2410±75 л. н.) 772–386 гг. до н. э., позволяют также удревнить начало существования этой курганной группы до рубежа IV–III вв. до н. э. С такой хронологией согласуются и единичные радиоуглеродные даты из Быстровки-1, курган 17, погребение 1 (СОАН-3956, 2390±75 л. н.) 774–361 гг. до н. э. и Быстровки-3 курган 6, погребение 4, 8 (СОАН-3972, 2345±65 л. н.) 592–350 гг. до н. э. (СОАН-3963, 2410±75 л. н.) 772–386 гг. до н. э. располагаются в рамках общей хронологии курганной группы Быстровки-2.

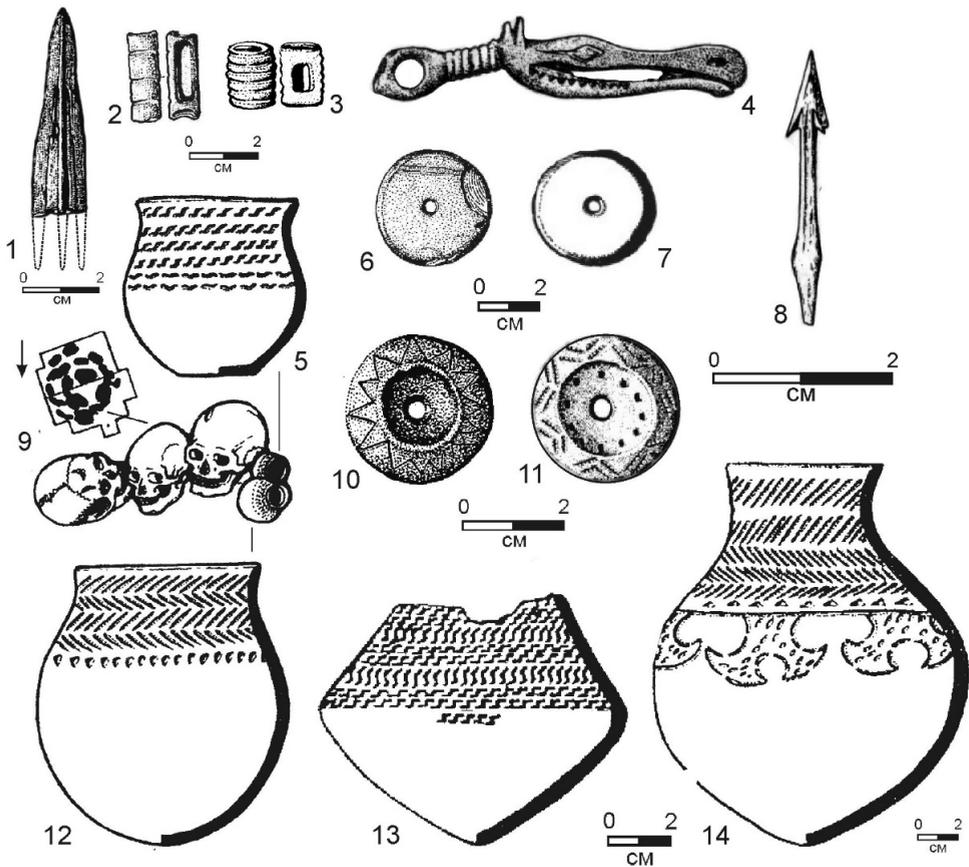

Рис. 10. Поликультурность предметного комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа.

- 1 – кулайский бронзовый наконечник (Быстровка-2, к. 6, п. 7);
- 2 – бронзовая рубчатая кулайская обойма (Быстровка-2, к. 2, п. 12);
- 3 – бронзовая рубчатая кулайская обойма (Быстровка-1, к. 5, п. 1);
- 4 – бронзовая кулайская зооморфная подвеска (Быстровка-3);
- 5 – керамический сосуд с кулайской орнаментацией (Быстровка-2, к. 9);
- 6 – каменное пряслице (Быстровка-2, курган-5, погребение-10);
- 7 – каменное пряслице (Быстровка-2, курган-2, погребение-12);
- 8 – костяной наконечник стрелы (Быстровка-3);
- 9 – погребение черепов с инокультурной керамикой (Быстровка-2, курган-9);
- 10 – саргатское керамическое пряслице (Быстровка-2, к. 5, п. 16);
- 11 – саргатское керамическое пряслице (Быстровка-2, к. 2, п. 8);
- 12 – саргатский керамический сосуд (Быстровка-2, к. 9);
- 13 – кулайский керамический сосуд (Быстровка-2, к. 2, п. 4);
- 14 – саргатский керамический сосуд с роговидным орнаментом (Быстровка-2, к. 5, п. 1)

Эти новые результаты естественно-научного датирования Быстровского некрополя не могли не отразиться на оценке результатов представленных ранее историко-культурных реконструкций [10; 11], включая и интерпретации в упомянутых современных антропологических публикациях.

Тем не менее такие современные данные по датированию Быстровского некрополя не учитывались либо игнорировались. Следует также отметить произвольную смену культурной атрибуции одного и того же антропологического материала Быстровского некрополя в ряде изданий одних и тех же авторов. Речь идет о нескольких публикациях, где антропологические материалы Быстровки-1, 2, 3 сначала относятся к каменной археологической культуре [12], а затем к большереченской культуре [13; 14]. В отношении таких изданий складывается двойственное впечатление. С одной стороны, такая смена интерпретации могла быть обусловлена изменением авторской точки зрения на один и тот же материал. В таком случае это требовало пояснений и аргументации в последующих изданиях. С другой стороны, такие антропологические публикации явно вводят в заблуждение относительно действительной принадлежности населения скифского времени верхнеобского региона и не соответствуют современным результатам археологических исследований.

Обсуждение. В рамках противоречий и несостыковок культурной идентификации населения эпохи раннего железа Верхней Оби на основе материалов Быстровского некрополя следует остановиться на соотношении масштабов временной длительности исторической преемственности по археологическим и антропологическим данным. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что временные параметры, которые приемлемы для современной археологии и антропологии, совершенно различны. Если для археологов предпочтительнее как можно более дробная и детальная хронология, опирающаяся на достоверные датировки [15, с. 55, 56, 59, 60], то антропологов явно интересуют более длительные временные периоды и эпохи. Таким образом, можно говорить, что в археологии принята более «узкая» хронология, а в антропологии – преимущественно «широкая». Возможно, вследствие этого антропологи, кроме пренебрежения или игнорирования разницы между хронологией и периодизацией в конкретных археологических культурах пользуются либо устаревшими в современных условиях, либо некорректными дефинициями археологических культур. Большереченская археологическая культура, как это указывалось выше, является ярким тому подтверждением. Правда нельзя утверждать, что и археологи в рамках эволюционного подхода не пытаются проследить преемственность с культурами предшествующих периодов. Однако на материалах погребального обряда и предметного комплекса это часто выглядит не всегда достоверно и убедительно, учитывая сложности с точностью датирования. Поскольку, с одной стороны, как для традиционных археологических датировок, так и для естественно-научных данных (радиоуглерод, дендрохронология) на этот счет есть свои ограничения. Тогда как, с другой стороны, даже при достаточно хорошо разработанной традиционной археологической хронологии существуют свои региональные лакуны, не подтверждаемые предметным

комплексом, относящимся к определенному времени. Примером тому является дискуссия на рубеже XX–XXI вв. о проблеме «хиатуса III в. до н. э.» в сарматской археологии [16; 17; 18; 19; 20]. Для территории Южной Сибири эпохи раннего железа в свою очередь достаточно давно актуально выделение хронологических индикаторов в комплексах V–IV вв. до н. э. [21]. Все это в целом имеет определяющее значение для пересмотра достоверности дефиниции «больше-реченской» культуры в современных условиях, особенно если опираться на ее трактовку в традиции хронологии и периодизации, сформулированной еще М. П. Грязновым.

Не менее важным фактором являются и результаты соотнесения последовательности существования курганов Быстровки-2 по данным дендрохронологии и по результатам радиоуглеродного датирования. Такая процедура позволяет говорить об их достаточно хорошем соответствии при минимальных исключениях⁴. Например, оба метода дают основание говорить о сосуществовании погребений в курганах 3 и 5 Быстровки-2 в определенное время и об одновременности сооружения могил в курганах 10 и 9. Кроме того, в результате перекрестного датирования дендрощкал курганов предложена модель относительной хронологии могильника Быстровка-2. Согласно ей наиболее ранним является курган 4, за ним следует курган 3, далее – курган 5, а наиболее поздними являются курганы 9 и 10, причем последние два существовали практически синхронно.

В итоге выяснилось, что новая хронология Быстровского некрополя в целом явно не соответствует реальному периоду времени, соотносимому по современным представлениям с «больше-реченской» культурой, определением которой оперируют в ряде современных антропологических публикаций по этому погребальному комплексу [22; 23]. Причиной такого некорректного использования конкретного археологического термина у антропологов может быть несколько факторов. Среди них недостаточная погруженность этих специалистов в историографические проблемы больше-реченской культуры, а также и другие явления более общего порядка. Дело в том, что физическая антропология при изучении своего материала стремится рассматривать его в значительно более длительной хронологической протяженности, чем археология. Именно поэтому антропологами прослеживаются в материалах Быстровки-1, 2, 3 не только сохранившиеся признаки населения предшествующей эпохи бронзы, но и еще более древних периодов (неолита и верхнего палеолита) [13, с. 135, 136; 14, с. 154, 155]. В свою очередь, археологи на своих данных (погребальный обряд, предметный комплекс) для конкретных археологических комплексов такую хронологическую глубину и культурную преемственность фиксировать

⁴ Несовпадение радиоуглеродных и дендрохронологических данных прослеживается только для кургана 4. По дендрохронологической шкале он является наиболее ранним, а по радиоуглеродному датированию костей погребенных курган 4 оказывается одним из поздних.

явно не могут⁵. Более того, для северной части Верхней Оби, где расположен Быстровский некрополь и другие погребальные комплексы раннего железа, пока еще очень затруднительно выявить такую последовательность даже для раннескифского времени в хронологическом интервале VIII–VI вв. до н. э.⁶

Еще одним вариантом объяснения таких противоречивых культурных атрибуций материалов Быстровского некрополя в современных антропологических публикациях может быть сознательное игнорирование не вписывающихся в собственную модель представлений, точек зрения других исследователей. Тем не менее суммарно в формате определения достоверности гипотез это означает, что процедура проверки «на достоверность» исходных данных в таких антропологических публикациях явно не завершена [24, с. 68]. Поэтому с полным основанием можно констатировать, что культурные атрибуции в целом ряде антропологических публикаций по Быстровскому некрополю явно некорректны и далеки от объективности. В этой связи следует упомянуть еще об одном важном факте. Дело в том, что, начиная с 80-х и 90-х гг. прошлого столетия, для культуры населения эпохи раннего железа Верхней Оби рядом исследователей [25; 26, с. 85; 27] отмечался феномен синкретичности. В современных условиях это культурное явление вполне соотносится с парадигмой поликультурности [28, с. 155; 29; 30] (рис. 9). Скорее всего, именно такой подход является наиболее рациональным при запутанности, противоречивости и тупиковой дискусионности относительно конкретных археологических культур, включая «большереченскую». Тем более, что конкретно в Быстровском некрополе достаточно явно выражена поликультурность. Она проявляется в формате различного сочетания и представленности в курганных группах Быстровка-1, 2, 3 маркеров местного населения березовского этапа эпохи раннего железа Верхней Оби, а также кулайской и саргатской культурных традиций. Степень присутствия этих признаков в указанных частях некрополя различна.

В рамках игнорирования антропологами поликультурности материалов Быстровского некрополя следует еще упомянуть о явно выраженной тенденции присутствия и сочетания разнокультурной керамики среди целого ряда культурных образований на юге Западной Сибири с конца I тыс. до н. э. вплоть до эпохи раннего средневековья [31; 32, с. 148–153]. Это в полной мере представлено в Быстровском некрополе. В частности, находки сопроводительной кулайской керамики в кургане 9 Быстровки-2 (рис. 10, 5, 12, 13), которая ана-

⁵ Факт вторичного использования сосуда эпохи поздней бронзы (ирменского сосуда) из соседнего поселения Быстровка-4 в одном из детских погребений курганный группы Быстровки-2, вряд ли можно трактовать как такую культурную преемственность (Бородовский А. П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. – 2004. – Вып. 3. – С. 98–101).

⁶ Находка костяной колчанной застежки раннескифского облика (Русаков М. Ю. Специфика набора вооружения раннескифских погребальных комплексов Нижнего Дона // Oriental Studies. – 2019. – № 4. – С. 614, рис. 5, 8) на поселении поздней бронзы (ирменская культура) Быстровка-4 относится к единичным раннескифским предметам на территории Новосибирского Приобья с до конца не уставленным стратиграфическим контекстом (принадлежность к культурному слою поселения эпохи или разрушенному погребению раннескифского времени).

логична керамике I группы из Каменного Мыса. К такой же группе керамики следует отнести и кулайский сосуд с «шипом» из кургана 2 погребения 4 Быстровки-2 (рис. 10, 13). Другой сосуд с округлым дном (рис. 12, 12) в ритуальном захоронении черепов на краю насыпи кургана 9 Быстровки-2 явно имеет саргатское происхождение. Следует подчеркнуть, что еще один характерный саргатский сосуд (рис. 10, 14) обнаружен в соседнем кургане 5 Быстровки-2. Керамическая посуда с таким рогообразным орнаментом с вдавлениями типична для саргатских погребальных памятников в Барабинской лесостепи (Венгерово-7) и Прииртышье – Коконовские курганы [33, с. 40, рис. 34, 4]. Таким образом, погребения нескольких курганов (№ 2, 4, 5, 9) Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одномоментного присутствия как захоронений с кулайской керамикой различных типов, так и погребений с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (курган 4, погребения 5а, 5б). Эта особенность позволяет рассматривать Быстровский некрополь как репрезентативный источник в формате изучения характера кулайско-саргатских связей, что крайне актуально для всей лесостепной зоны Западной Сибири в эпоху раннего железа. Такой феномен может быть обусловлен как интенсивностью культурных связей и интеграционных процессов, так и миграционной активностью.

В свою очередь, на антропологическом материале пока фиксируется только достаточно выраженное антропологическое сходство для представителей населения березовского этапа эпохи раннего железа Верхней Оби и носителей кулайской культурной традиции [34, с. 145, рис. 1, с. 146]. Детализация кулайской принадлежности на индивидуальном и групповом уровне для некрополей раннего железа Верхней Оби пока сдерживается ограниченностью «кулайской» антропологической выборки (могильники Каменный Мыс, Алдыган, единичные черепа с Усть-Полуя, Кулайской Горы, Большого Лога) [35, с. 57]. Тем не менее проникновение северного инокультурного кулайского населения в более южные районы Верхнего Приобья (включая Быстровский некрополь), как и носителей саргатской культуры с запада, явно не способствовало однородности населения, даже в формате старых концепций «большереченской» культуры.

Заключение. Следует еще раз подчеркнуть, что для Быстровского некрополя в антропологических публикациях последнего времени фигурируют явно не точные дефиниции по отождествлению материалов этого комплекса с «большереченской» культурой, поскольку бытование этой культуры относится в настоящее время уже к предшествующему переходному периоду от эпохи поздней бронзы к раннему железу (начало I тыс. до н. э.). Более того, для северной части Верхней Оби, где расположен Быстровский некрополь и другие погребальные комплексы раннего железа, пока еще очень затруднительно выявить погребения как этого переходного периода, так и раннескифского времени в хронологическом интервале VIII–VI вв. до н. э.

Подводя итоги, следует отметить, что при интерпретации антропологами термина и понятия «археологическая культура» на примере анализа материалов Быстровского некрополя эпохи раннего железа проявилось несколько

тенденций. Во-первых, некорректное использование наименования «большереченская культура» по отношению к этому погребальному комплексу, который на основании современных данных не соответствует времени существования этого культурного образования. Во-вторых, непоследовательность, избирательность и противоречивость использования термина «большереченская культура» в современных антропологических исследованиях, в которых либо не учитываются, либо игнорируются не только многие историографические стороны этой проблемы, но и современное состояние археологической источниковой базы и уровней ее интерпретации. В-третьих, для археологов и антропологов характерны совершенно различные представления о хронологической глубине материалов, подверженных изучению. Если археологи всячески стремятся к более дробной и узкой хронологии, опирающейся на конкретные датировки, то антропологи в лучшем случае оперируют общей археологической периодизацией, порой углубляясь в более далекие археологические эпохи (бронзы и камня). В свою очередь, все это достаточно объемно отражает не только несостыковки и соответствия результатов археологических и антропологических исследований, но также разницу представлений взаимоотношений «культуры и антропологии» у специалистов различного профиля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.** Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М.: Наука, 1975. – 174 с.
2. **Грязнов М. П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. Сер. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 48. – М.; Л.: Наука, 1956. – 226 с.
3. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
4. **Кунгуров А. Л.** К вопросу об этнокультурной ситуации в Барнаульско-Бийском Приобье во второй половине I тыс. до н. э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 293–296.
5. **Бородовский А. П.** Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Выпуск 6. – Новосибирск, 2002. – 208 с.
6. **Кишкурно М. С.** Антропологический состав населения Новосибирского Приобья раннего железного века (по краниологическим и одонтологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2023. – 24 с.
7. **Троицкая Т. Н.** Могильник Быстровка как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1983. – С. 31–50.
8. **Бородовский А. П., Слюсаренко И. Ю., Кузьмин Я. В., Орлова Л. А., Кристен Дж. А., Гаркуша Ю. Н., Бурр Дж. С., Джал Э. Дж. Т.** Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 79–92.
9. **Бородовский А. П.** Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалу Быстровского некрополя эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2009. – 112 с.
10. **Могильников В. А.** О миграциях кулайского населения на юг // Известия лаборатории археологии. – 1995. – № 1. – С. 76–86.

11. **Могильников В. А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. – М.: РАН Ин-т археологии, 1997. – 195 с.
12. **Кишкурно М. С.** Происхождение носителей каменной культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-2 (III–I вв. до н. э.) // *Camera praehistorica*. – 2018. – № 1 (1). – С. 134–147.
13. **Кишкурно М. С.** Внутригрупповая дифференциация носителей большереченской культуры Новосибирского Приобья раннего железного века // *Camera praehistorica*. – 2022а. – № 1 (8). – С. 118–137.
14. **Кишкурно М. С.** Антропологический состав большереченского населения Новосибирского Приобья эпохи раннего железа по одонтологическим материалам в контексте проблемы дифференциации каменной и большереченской культур // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2022б. – № 3 (50). – С. 148–156.
15. *Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология.* – СПб.: Изд-во Теза, 2005. – 290 с.
16. **Зуев В. Ю.** О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum plus*. – 1993. – № 3. – С. 305–324.
17. **Скрипкин А. С., Клепиков В. М., Мошкова М. Г.** Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // *Российская археология*. – 2000. – № 1. – С. 101–122.
18. **Клепиков В. М.** Памятники III в. до н. э. в Нижнем Поволжье // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории».* – Самара, 2000. – Вып. 1. – С. 116–124.
19. **Демиденко С. В.** Об одном из аспектов «проблемы III в. до н.э.» в сарматской археологии // *Российская археология*. – 2007. – № 2. – С. 48–54.
20. **Коробков П. А.** Проблемы изучения периодизации раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист.* – 2012. – № 1 (21). – С. 160–167.
21. **Семенов Вл. А.** Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н. э. в Туве // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI.* – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – С. 179–182.
22. **Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С.** Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя) // *Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей.* – СПб.: ИИМК РАН 2018. – Т. 47. – С. 134–143.
23. **Кишкурно М. С., Алексеева Е. А., Шишкин А. С., Зубова А. В.** Новые результаты изучения человеческих черепов из ритуального комплекса могильника Быстровка-2 (ранний железный век) // *Camera praehistorica*. – 2021. – № 2 (7). – С. 138–151.
24. **Клейн Л. С.** Гипотеза в археологии // *Российский археологический ежегодник.* – 2011. – № 1. – С. 56–69.
25. **Могильников В. А.** О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // *Скифо-сибирское культурно-историческое единство.* – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 41–50.
26. **Могильников В. А., Уманский А. П.** Курган раннего железного века на Чумыше // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР.* – 1981. – № 167. – С. 80–86.
27. **Членова Н. Л.** Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пущинский научный центр РАН, 1994. – 170 с.
28. **Савинов Д. Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 202 с.
29. **Бородовский А. П.** Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований.* – 2016. – № 3 (13). – С. 94–102.
30. **Бородовский А. П.** Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // *Древние некрополи –*

погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. – СПб.: ИИМК РАН 2018. – Т. 47. – С. 123–133.

31. **Матвеева Н. П., Кобелева Л. С.** К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3. – С. 68–78.
32. **Матвеева Н. П.** Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. – 264 с.
33. **Полосьмак Н. В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.
34. **Кишкурно М. С., Слепцова А. В.** Новые данные по одонтологии населения кулайской культуры Новосибирского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 4 (47). – С. 140–151.
35. **Багашев А. Н., Слепченко С. М., Алексеева Е. А., Слепцова А. В.** Краниологические находки на святилище кулайского городища Большой лог в Омске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 2 (37). – С. 57–71.

REFERENCES

1. Kamenetsky I. S., Marshak B. I., Sher Y. A. Analysis of archaeological sources (possibilities of a formalized approach). Moscow: Nauka, 1975, 174 p. (In Russian)
2. Gryaznov M. P. History of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village. Big River. Ser. Materials and research on the archeology of the USSR. T. 48. Moscow; Leningrad: Nauka, 1956, 226 p. (In Russian)
3. Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (In Russian)
4. Kungurov A. L. On the issue of the ethnocultural situation in the Barnaul-Biysk Ob region in the second half of the 1st millennium BC. e. Space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories: materials of the XII West Siberian archaeological and ethnographic conference. Tomsk: TSU Publishing House, 2001, pp. 293–296. (In Russian)
5. Borodovsky A. P. Archaeological monuments of the Iskitim region of the Novosibirsk region. Materials of the “Code of Monuments of History and Culture of the Peoples of Russia”. Issue 6. Novosibirsk, 2002, 208 p. (In Russian)
6. Kishkurno M. S. Anthropological composition of the population of the Novosibirsk Ob region of the early Iron Age (according to craniological and odontological data): abstract dis. Novosibirsk, 2023, 24 p. (In Russian)
7. Troitskaya T. N. Bystrovka burial ground as a historical source. Archaeological monuments of the forest-steppe zone of Western Siberia. Novosibirsk: Publishing House NGPI, 1983, pp. 31–50. (In Russian)
8. Borodovsky A. P., Slyusarenko I. Yu., Kuzmin Ya. V., Orlova L. A., Kristen J. A., Garkusha Yu. N., Burr J. S., Jal E. J. T. Chronology of burial complexes of the Early Iron Age in the Upper Ob region according to tree-ring and radiocarbon methods (using the example of the Bystrovka-2 burial mound group). *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2003, no. 3 (15), pp. 79–92. (In Russian)
9. Borodovsky A. P. Traditional and natural scientific methods of dating burial complexes (based on materials from the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age). Novosibirsk: Novosibirsk State Publishing House. Univ., 2009, 112 p. (In Russian)
10. Mogilnikov V. A. On the migration of the Kulai population to the south. *News of the Laboratory of Archeology*, 1995, no. 1, pp. 76–86. (In Russian)
11. Mogilnikov V. A. Population of the Upper Ob region in the middle – second half of the 1st millennium BC. e. Moscow: RAS Institute of Archeology, 1997, 195 p. (In Russian)
12. Kishkurno M. S. Origin of the carriers of the Kamensk culture of the Novosibirsk Ob region according to odontological data from the Bystrovka-2 burial ground (III-I centuries BC). *Camera praehistorica*, 2018, no. 1 (1), pp. 134–147. (In Russian)
13. Kishkurno M. S. Intragroup differentiation of the carriers of the Bolsherechenskaya culture of the Novosibirsk Ob region of the early Iron Age. *Camera praehistorica*, 2022a, no. 1 (8), pp. 118–137. (In Russian)

14. Kishkurno M. S. Anthropological composition of the Bolsherechensk population of the Novosibirsk Ob region of the Early Iron Age based on odontological materials in the context of the problem of differentiation of the Kamensk and Bolsherechensk cultures. *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 2022b, no. 3 (50), pp. 148–156. (In Russian)
15. Eurasia in the Scythian era. Radiocarbon and archaeological chronology. St. Petersburg: Teza Publishing House, 2005, 290 p. (In Russian)
16. Zuev V. Yu. On ways to solve the “problem of the 3rd century. BC e.” in the periodization of archaeological monuments of the Sarmatian era. *Stratum plus*, 1993, no. 3, pp. 305–324. (In Russian)
17. Skripkin A. S., Klepikov V. M., Moshkova M. G. About one attempt to modernize the Sarmatian periodization. *Russian Archeology*, 2000, no. 1, pp. 101–122. (In Russian)
18. Klepikov V. M. Monuments of the 3rd century. BC e. in the Lower Volga region. Early Sarmatian culture: formation, development, chronology. *Problems of Sarmatian archeology: materials of the IV International Conference. Vol. 1. Samara*, 2000, pp. 137–139. (In Russian)
19. Demidenko S. V. About one of the aspects of the “problem of the 3rd century. BC.» in Sarmatian archeology. *Russian Archeology*, 2007, no. 2, pp. 48–54. (In Russian)
20. Korobkov P. A. Problems of studying the periodization of early Sarmatian monuments of the Lower Volga region. *Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4, East*, 2012, no. 1 (21), pp. 160–167. (In Russian)
21. Semenov V. A. The problem of identifying chronological indicators in the Scythian complexes of the V–IV centuries. BC e. in Tuva. Preservation and study of the cultural heritage of Altai. Vol. XI. Barnaul: Altai State Publishing House. Univ., 2000, pp. 179–182. (In Russian)
22. Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishkurno M. S. Exhibition of heads among the bearers of the Kamensk culture of the Upper Ob region (based on materials from the Bystrovsky necropolis). *Ancient necropolises – funeral and memorial rituals, burial architecture and layout of necropolises*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018, T. 47, pp. 134–143. (In Russian)
23. Kishkurno M. S., Alekseeva E. A., Shishkin A. S., Zubova A. V. New results of studying human skulls from the ritual complex of the Bystrovka-2 burial ground (early Iron Age). *Camera praehistorica*, 2021, No. 2 (7), pp. 138–151. (In Russian)
24. Klein L. S. Hypothesis in archeology. *Russian Archaeological Yearbook*, 2011, no. 1, pp. 56–69. (In Russian)
25. Mogilnikov V. A. On the cultures of the West Siberian forest-steppe of the early Iron Age (results and problems of study). *Scythian-Siberian cultural and historical unity*. Kemerovo: KemsU Publishing House, 1980, pp. 41–50. (In Russian)
26. Mogilnikov V. A., Umansky A. P. Early Iron Age mound on Chumysh. *Brief communications of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences*, 1981, no. 167, pp. 80–86. (In Russian)
27. Chlenova N. L. Monuments of the end of the Bronze Age in Western Siberia. Moscow: Pushchino Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 1994, 170 p. (In Russian)
28. Savinov D. G. Early nomads of the Upper Yenisei: archaeological cultures and cultural genesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2002, 202 p. (In Russian)
29. Borodovsky A. P. Multiculturalism of the Early Iron Age in the forest-steppe Ob region based on materials from the Bystrovsky necropolis. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 2016, no. 3 (13), pp. 94–102. (In Russian)
30. Borodovsky A. P. Funeral space in the context of multiculturalism (based on materials from the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob). *Ancient necropolises – funeral and memorial rituals, funerary architecture and planning of necropolises*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018, T. 47, pp. 123–133. (In Russian)
31. Matveeva N. P., Kobeleva L. S. On the question of the initial components of the early medieval cultural genesis of the forest-steppe Trans-Urals (according to the study of pottery). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2013, no. 3, pp. 68–78. (In Russian)
32. Matveeva N. P. Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples (problems of cultural genesis according to the data of funerary monuments. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2016, 264 p. (In Russian)
33. Polosmak N. V. Baraba in the Early Iron Age. Novosibirsk: Nauka, 1987, 126 p. (In Russian)

34. Kishkurno M. S., Sleptsova A. V. New data on the odontology of the population of the Kulai culture of the Novosibirsk Ob region. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2019, no. 4 (47), pp. 140–151. (In Russian)
35. Bagashev A. N., Slepchenko S. M., Alekseeva E. A., Sleptsova A. V. Craniological finds at the sanctuary of the Kulai settlement Bolshoi Log in Omsk. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2017, no. 2 (37), pp. 57–71. (In Russian)

Информация об авторе

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук; профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, altaicenter2011@gmail.com, Новосибирск, Россия

Information about the author

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, altaicenter2011@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 22.02.2024

Одобрена после рецензирования 16.03.2024

Принята к публикации 25.03.2024

The article was submitted 22.02.2024

Approved after reviewing 16.03.2024

Accepted for publication 25.03.2024